

рять область своихъ поисковъ и по вопросу о *лоръ* (212—9) даетъ цѣльный трактатъ по памятникамъ. Авторъ производитъ императорскій и придворный лоръ отъ консульской *trabea*, и съ этимъ происхожденіемъ нельзя не согласиться, рассматривая образцы того и другаго на изданныхъ авторомъ снимкахъ съ консульскихъ диптиховъ и византійскихъ (позднѣйшихъ) миниатюръ. Одно, что оставалось бы еще пожелать въ дополненіе къ этому тонкому этюду,—это объясненія того, почему именно лоръ = поясъ замѣнилъ консульскую *trabea*, когда и подъ какимъ вліяніемъ это совершилось. Для этого, какъ намъ кажется, кромѣ филологическихъ изслѣдованій, понадобится разсмотрѣть еще много памятниковъ, тѣмъ болѣе, что въ противуположеніи миниатюръ (XII—XIII вѣковъ) диптихамъ (VI столѣтія) замѣтенъ и самъ по себѣ крупный пробѣлъ въ 6 вѣковъ, къ тому же времени сложенія византійскаго церемоніала и орната.

Увы! мы такъ и не узнаемъ изъ книги, что такое *Φοράμια*—авторъ не знаетъ навѣрное (стр. 197—8, прим.) ни, тѣмъ болѣе, что такое пресловутый *цицакій*—авторъ не знаетъ вовсе, какая именно одежда обозначается этимъ словомъ, которому, однакоже, указываетъ много объясненій (стр. 199, прим.), ни, наконецъ, что такое *скарманій*, случаи и способъ надѣванія котораго авторъ кратко описываетъ, не скрывая, что это названіе попадаетъ въ Уставъ чуть не на каждой страницѣ, и своею таинственностью дразнить комментатора. Очевидно, что всѣ формы древности, идущія отъ антика, вскрываются для пониманія гораздо легче, чѣмъ идущія съ Востока, и знаменитый Рейске прославился именно указаніями культурныхъ связей Византіи съ Востокомъ.

Главное достоинство всѣхъ экскурсовъ книги заключается, поэтому, въ изслѣдованіи античныхъ, греческихъ или римскихъ началъ взятой формы, и если подобное изслѣдованіе ведется по памятникамъ искусства и быта, критически опредѣленнымъ, разобраннымъ и объясненнымъ, то оно, естественно, является крупнымъ вкладомъ въ археологическую науку, которая основывается на критическомъ и сравнительномъ изученіи вещественныхъ древностей. И потому, чѣмъ рѣшительнѣе покинетъ авторъ сферу тяжелаго для чтенія и, по необходимости, хаотическаго комментарія и перейдетъ къ разработкѣ отдѣльныхъ археологическихъ экскурсовъ и этюдовъ, тѣмъ, кажется намъ, онъ скорѣе достигнетъ своей цѣли: пусть только, не довольствуясь филологическимъ толкованіемъ, онъ ищетъ источниковъ явленія, исторію каждой формы и ея изображеніе въ памятникахъ, и мы получимъ *реальный* комментарий къ «Уставу» Константина.

Н. Кондаковъ.

А. Васильева, *Сборникъ памятниковъ Византійской литературы. Anecdota graeco-byzantina. Pars prior. Collegit, digessit, recensuit A. Vassiliev. Mosquae 1893. II + LXXIII + 345 + II стр. 8^о. Цѣна 2 р. 50 коп.*

Apocrypha anecdota by Montague Rhodes James M. A. (Texts and Studies. Contributions to biblical and patristic literature edited by J. Armitage Robinson B. D. Vol. II, No. 3). Cambridge 1893. XI + 202 p. 8°. 6 sh.

Научное изслѣдованіе греческихъ апокрифовъ, начавшееся еще съ первыхъ годовъ XVIII вѣка ¹⁾, въ послѣднія десятилѣтія сдѣлало огромные успѣхи. Не говоря о классическихъ трудахъ Тило, Гэррера, Тишендорфа ²⁾, Райта (Wright), Р. А. Липсіуса, О. Ф. Фритче, не говоря о томъ, что солиднѣйшіе ученые нашего времени, какъ напр. Максъ Бонне (Bonnet, профессоръ въ Монпелье), всѣ свои силы отдають на изученіе апокрифовъ, интереснѣйшіе апокрифическіе тексты и ихъ изслѣдованія встрѣчаются зачастую въ такихъ монографіяхъ, въ которыхъ по заглавію очень трудно предположить что либо подобное ³⁾. Скажемъ болѣе, трудно въ настоящее время указать дѣльную книгу по средневѣковой литературѣ, которая не касалась бы какого нибудь апокрифическаго сказанія и даже не пыталась бы внести свѣтъ въ его исторію. А тѣмъ не менѣе апокрифы и теперь оказываются слишкомъ недостаточно изслѣдованными сравнительно съ той ролью, которую играютъ они въ духовномъ развитіи новаго человѣчества. Какая изъ областей духовной жизни отъ IV по XV, а у насъ даже по XVIII вѣкъ не связана съ ними тѣснѣйшимъ образомъ? Проповѣдники наиболѣе досточтимые, передавая событія св. исторіи, пользуются апокрифическими сказаніями ⁴⁾; богословы утилизируютъ ихъ образы для сравненій и поясненій; иконописцы и миниатюристы изъ нихъ берутъ подробности для своихъ вѣковѣчныхъ и глубокомысленныхъ композицій; авторы высокопоэтичныхъ церковныхъ пѣснопѣній идутъ тѣмъ же путемъ; составители книгъ для народнаго чтенія черпаютъ изъ апокрифовъ широкой рукой; путешественники

1) Codex apocryphus novi testamenti знаменитаго Фабриція (1-й томъ) вышелъ въ Гамбургѣ въ 1703 г.

2) Его Evangelia apocrypha (1-ое изд. 1852) въ 1876 г. вышли вторымъ изданіемъ, что указываетъ на интересъ къ апокрифамъ сравнительно большой публики.

3) Въ видѣ примѣра можемъ указать на книгу Альбрехта Вирта (Wirth): *Danaë in christlichen Legenden*. Wien 1892, гдѣ впрочемъ драгоценные тексты испорчены небрежностью издателя, а изслѣдованіе отличается по малой мѣрѣ излишней сангвиничностью.

4) См. напр. Слова Германа, патріарха Константинопольскаго, на Введеніе Богородицы во храмъ, на Благовѣщеніе, на Успеніе (Migne, Patr. gr. t. XCVIII, col. 292 и слѣд.). Проф. Н. В. Покровскій (Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Спб. 1892, стр. 25—27) рекомендуетъ отличать *непосредственное* вліяніе апокрифовъ (въ данномъ случаѣ на иконопись, но то же самое примѣнимо и къ памятникамъ литературы) отъ *преданія*, которое вошло и въ апокрифы и въ памятники другого рода. Но развѣ древнѣйшую форму этого преданія мы имѣемъ именно въ апокрифѣ, развѣ мы не въ правѣ называть его *апокрифическимъ*? Но, конечно, при этомъ *апокрифическій* и *еретическій* будутъ понятіями, далеко не тождественными, какъ не были они, конечно, тождественными и для автора того слова на Рождество, которое приписывается Григорію Нисскому (Migne, XLVI, стр. 1127 и слѣд.), въ которомъ исторія дѣтства Богоматери начинается словами: "Ἦχουσα τοῖνον ἀποκρίφου τινός ιστορίας и т. д. (стр. 1137).

по св. мѣстамъ пріурочиваютъ апокрифическія сказанія къ опредѣленнымъ пунктамъ и памятникамъ; духовная драма во все время своего существованія и западное искусство эпохи возрожденія не могутъ обойтись безъ нихъ. Все это явленія, связанныя довольно близко съ церковью; но если мы обратимся къ тѣмъ группамъ фактовъ, которыя, повидимому, стоятъ особнякомъ отъ нея, мы и тамъ найдемъ многочисленные отзвуки апокрифовъ. Византійскіе хронисты не только пользуются извѣстными намъ сказаніями, но и сообщаютъ отрывки такихъ, которыя другимъ путемъ не дошли до насъ; отъ византійцевъ эти апокрифы переходятъ и въ нашу начальную лѣтопись, и въ западныя раннія попытки всеобщей исторіи и въ новогреческіе *сипнописисы*, которые перепечатываются въ Венеціи въ XVII и въ XVIII вѣкахъ; многіе рыцарскіе романы ткуть свои пестрые узоры по канвѣ, данной апокрифами; національная поэзія всѣхъ странъ средневѣковой Европы едва-ли не въ большинствѣ своихъ продуктовъ связана съ ними; они внесли богатый вкладъ въ народныя суевѣрія и демонологію; ихъ мотивы оказываются въ основѣ сказокъ и преданій такихъ племенъ, которыя и отъ христіанства давно отторглись ¹⁾.

Да и могло ли это быть иначе? Въ лучшую пору человѣчества, когда христіанство обновило его «душу», возбудило его умъ, чувство и фантазію до степени экстаза, когда древнія цивилизаціи Востока, Греціи и Рима представили объединенному міру, повидимому, самые животворные результаты свои, когда вновь всгупающія на историческую арену племена несли еще не разрушеніе, а свѣжіе соки и силы на службу человѣчеству, возникаетъ длинный рядъ поэтическихъ произведеній, объясняющихъ чудныя тайны новой религіи, пополняющихъ ея св. книги. Иныя изъ нихъ основаны на св. преданіи, правдивость и обязательность котораго всегда признавались самыми строгими блюстителями чистоты вѣры; другія ссылались на глубокую мудрость древнѣйшихъ народовъ востока; иныя, повидимому, подтверждались намеками самого св. Писанія ²⁾. Правда, значительное число ихъ (но, безъ сомнѣнія, далеко не большинство) явилось подъ вліяніемъ многочисленныхъ ересей того времени, но эти тенденціозные продукты скоро гибли и забывались не только потому, что побѣдоносное православіе не давало имъ ходу и истребляло ихъ, но также и

1) См. напр. статью Вс. Θ. Миллера, Отголоски апокрифовъ въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ. Ж. М. Н. Пр. 1873, июль, стр. 94 и слѣд. Вотъ какъ еще въ 1862 г. говоритъ о значеніи апокрифовъ въ новѣйшее время первый русскій апокрифологъ, недавно умершій Н. С. Тихонравовъ: «Ложныя книги русской старины до сихъ поръ живутъ еще «въ полномъ цвѣтѣ» во многихъ сельскихъ сборникахъ; у нихъ только другіе читатели. Они спустились, съ развитіемъ образованности, въ массы необразованнаго большинства, въ народъ, который влечется къ нимъ всею силою своихъ симпатій, потому что находитъ въ нихъ рѣшеніе занимающихъ его вопросовъ, потому что видитъ въ нихъ свою религіозную и нравственную школу». (См. Л. Н. Майкова «Некрологъ Н. С. Тихонравова». Ж. М. Н. Пр. 1894 г., январь, стр. 86).

2) Какъ напр. Видѣніе ап. Павла оправдывалось извѣстными словами посланія къ Коринѣ. II, 12, 3.

потому, что тенденціозность вредила самому существу ихъ, лишила ихъ поэзіи ¹⁾); если же въ еретическомъ сказаніи, по талантливости его составителя, оказывался жизненный и популярный мотивъ, такой апокрифъ скоро подвергался переработкѣ и, очищенный ею, поступалъ въ общую сокровищницу.

Свѣжія, такъ называемыя варварскія племена усваивали инья изъ этихъ поэтическихъ сказаній вмѣстѣ съ основами христіанства; другія являлись къ нимъ позднѣе по мѣрѣ развитія письменности; часть ихъ ассимилировалась съ нѣкоторыми изъ національныхъ преданій и обломками языческаго міровоззрѣнія, и такимъ образомъ на новой почвѣ получала новую жизнь. И на западѣ, и на востокѣ строгіе церковники пытались бороться съ ними, противодействовать ихъ распространенію; но и въ средніе вѣка народный духъ служилъ регуляторомъ для авторитета, и знаменитые *индексы* ослабили популярность или способствовали истребленію только тѣхъ отреченныхъ сказаній, которыя грубо и рѣзко противорѣчили основнымъ догматамъ и міровоззрѣнію христіанства; остальные проникли во всѣ сферы духовной жизни; многія изъ нихъ или въ возможной неприкосновенности, или въ извлеченіяхъ и передѣлкахъ вошли даже въ такія всѣми уважаемыя книги, какъ *Золотая легенда* и Великія Четы-Минеи Макарія.

Какія же пособія имѣетъ современный ученый для того, чтобъ изслѣдовать источники и первоначальныя формы этихъ сказаній, прожившихъ въ христіанскомъ обществѣ длинный рядъ столѣтій и оказавшихъ могущественное вліяніе на всѣ проявленія его духа? Смѣшно сказать, что на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить *Dictionnaire des Apocryphes* аббата Миня (I т. 1856 г., II т. 1858 г.), т. е. самое некритическое изданіе переводовъ и монографій, значительная часть которыхъ устарѣла до полной непригодности. Но безъ Миня мы не знали бы, что и дѣлать: ориенталисты новѣйшаго времени, отъ которыхъ мы должны бы ожидать наиболѣе интересныхъ указаній, смотрятъ на памятники этого рода подобно тому, какъ первые эллинисты эпохи возрожденія смотрѣли на произведенія христіанской эпохи; византинисты имѣютъ свои болѣе настоятельныя нужды; германисты, романисты и слависты отдають свои издательскія силы на публикацію памятниковъ, написанныхъ на языкахъ новой Европы; фольклористы всецѣло заняты живой стариной, иконографы — памятниками искусства и т. д., а для историческаго изслѣдованія апокрифовъ нѣтъ работниковъ. Отъ этого происходятъ такія странныя явленія: памятникъ опубликованъ въ 5—6 производныхъ редакціяхъ и передѣлкахъ, а его оригиналъ извѣстенъ въ одномъ плохомъ спискѣ, да и изъ того иногда напечатано лишь нѣсколько строкъ.

Какъ ни важны восточные первоисточники или раннія версіи апокрифовъ, можно считать общимъ правиломъ, что широкое распростране-

¹⁾ По той же причинѣ рѣзко тенденціозные раскольничьи духовные стихи не имѣютъ успѣха въ нашемъ народѣ.

ніе въ христіанскомъ мірѣ могли получить они только черезъ посредство греческихъ передѣлокъ. Вотъ почему, при настоящемъ положеніи дѣла, особенно важно собирать и издавать греческіе тексты апокрифическаго содержанія. Недостатка въ матеріалѣ не можетъ быть: ими переполнены многія сотни сборниковъ въ бібліотекахъ Востока и Запада. Жатва обильная; только дѣлателей мало. Въ прошломъ 1893 г. на двухъ концахъ Европы, въ Москвѣ и Кембриджѣ, появились, независимо другъ отъ друга, два очень интересныя собранія греческихъ апокрифовъ; московское собраніе значительно обширнѣе и содержательнѣе.

Почтенный авторъ книги: *Anecdota graeco-byzantina*, Аѳ. Васильевъ, род. въ 1855 г., въ 1875 г. поступилъ въ московскій университетъ и занимался древнерусскою литературою подъ руководствомъ профессоровъ Буслаева и Тихонравова; въ 1882 г. онъ выдержалъ экзаменъ на магистра и былъ командированъ за границу. Онъ усердно работалъ въ книгохранилищахъ Австріи, Сербіи и Италіи и кромѣ массы славянскихъ текстовъ списалъ длинный рядъ текстовъ греческихъ. Къ сожалѣнію, самозабвенной работой онъ разстроилъ свое и безъ того некрѣпкое здоровье и, по возвращеніи въ Россію, въ декабрѣ 1889 г. скончался отъ чахотки, успѣвъ напечатать только греческіе тексты и часть предисловія къ нимъ. Бумаги свои онъ оставилъ своему учителю и руководителю Н. С. Тихонравову, теперь тоже умершему. Изданіе книги *Anecdota graeca* закончилъ проф. С. Соболевскій ¹⁾.

Книга покойнаго Васильева заключаетъ 18 памятниковъ или группъ ихъ и обширное введеніе (I — LXXI стр.), сильно напоминающее и по манерѣ изложенія и по своей содержательности Prolegomena Тишендорфа въ его *Aposcalypses aposcyrphae* и *Evangelia aposcyrpha*; но, имѣя въ виду цѣли славянорусской письменности, собиратель указываетъ по мѣрѣ возможности славянскія передѣлки издаваемыхъ памятниковъ.

Подъ № 1 помѣщено *Сказаніе объ успыновеніи главы Іоанна Предтечи* (*Μαρτύριον εἰς τὴν ἀποτομὴν τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου*), взятое изъ монтекассинскаго кодекса (№ 277) XI в., памятникъ, если не ошибаемся, до сихъ поръ неизданный ²⁾. Вотъ его содержаніе.

На 42-мъ году царствованія Августа родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ; Иродъ, сынъ Антипатра, ищетъ погубить его и приказываетъ убивать младенцевъ. Тогда, по повелѣнію арх. Михаила, Іосифъ съ Богоматерью и младенцемъ бѣжитъ въ Египетъ, а Елисавета съ сыномъ уходитъ «въ горняя» (*εἰς τὴν ὄρεινὴν*). Не найдя Іоанна, Иродъ посылаетъ къ отцу его Захаріи съ требованіемъ сказать, гдѣ сынъ его. Когда Захарія отозвался незнаніемъ, Иродъ приказалъ убить его, чтò и было исполнено въ самомъ святилищѣ. На утро весь народъ сошелся у храма и напрасно ожидалъ выхода Захаріи. Когда нѣкто осмѣлился войти внутрь,

1) Онъ же перевелъ на латинскій языкъ и большую часть введенія.

2) А. Васильевъ относитъ его къ числу *prelo nondum subjecta* (Praef. p. II).

голосъ изъ святилища объявилъ объ убійствѣ Захаріи; народъ оплакивалъ его 5 дней; пролитая кровь его окаменѣла, а тѣла нигдѣ не окаялось. Елисавета скрылась въ горѣ, которая раздѣлилась по ея слову. Тамъ она кормила Иоанна молокомъ своимъ до 5-мѣсячнаго возраста; тогда, по повелѣнію ангела, она отдоила отроча, и съ тѣхъ поръ онъ питался акридами съ древа (*ἀκριδάς τοῦ δένδρου τοῦ ἐπὶ τῆς σκηνῆς*) и медомъ дивимъ, выходившимъ изъ камня. 13-ти мѣсяцевъ онъ началъ ходить и скакать; тогда сила невидимая перенесла Елисавету съ ребенкомъ въ домъ ея. 30-ти лѣтъ Иоаннъ началъ проповѣдовать; питался онъ «акридами, т. е. финиками» (*ἀκριδάς τουτέστιν φοίνικας*) и дикимъ медомъ; одежда его была изъ верблюжьяго волоса, и кожаный поясъ былъ у чреслъ его. Ему было 32 года, когда Иродъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему: «Ты ли Иоаннъ, сынъ Захаріи? Развѣ ты не знаешь, что кровь твоя подъ рукою моею?» А Иоаннъ обличалъ его какъ прелюбодѣйно живущаго съ женою брата своего Филиппа *Πολίεου* (*Πολία*); по наущенію послѣдней, Иродъ приказалъ мучить Иоанна, а самъ пытался оправдать свой поступокъ закономъ Моисеевымъ, который повелѣваетъ живому брату возстановлять семя умершаго. Иоаннъ же говорилъ ему: «ты самъ отравилъ брата своего, а съ женою его прелюбодѣйствовалъ и при жизни его». Усѣкновеніе главы Предтечи пересказано по Евангелію (Матѳ. 14, 6—12; Маркъ 6, 21—29), только плясавица считается дочерью самого Ирода. Тѣло Иоанна ученики унесли тайно (*ἔκλεψαν*). Тогда ангель Господень повелѣлъ Елисаветѣ пойти въ Вифлеемъ, взять тѣло сына и похоронить его тамъ же, гдѣ лежитъ тѣло Захаріи, открывшееся при землетрясеніи и громѣ въ святилищѣ храма; мѣсто погребенія этихъ св. останковъ должно на всегда остаться тайною. Въ то же время дочь Ирода Иродіада, забавляясь въ зимній день на льду, провалилась въ воду; когда стали ее вытаскивать, голова ея оторвалась, и туловище пошло подъ ледъ. Когда умеръ Иродъ, тѣло его не было принято землею, а извергнуто вонъ и сдѣлалось добычею птицъ и звѣрей. Все это записалъ Евриппъ, ученикъ Иоанна.

Въ сборникѣ Аѳинской публичной библіотеки подѣ № 1007 ¹⁾ находится, между прочимъ, другая версія этого апокрифа. Вотъ его заглавіе и начало:

Γέννησις καὶ τελείωσις τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου καὶ βαπτιστοῦ καὶ πατὴρὸς αὐτοῦ Ζαχαρίου. Εὐλόγησον πάτερ.

Τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐν Βηθλεὲμ τῆς Ἰουδαίας γεννηθέντος

1) Въ каталогѣ, составленномъ покойнымъ Иоанномъ Саккеліономъ (*Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς ἐθνικῆς βιβλιοθήκης τῆς Ἑλλάδος. Ἐν Ἀθῆναις. 1892*) онъ описанъ такъ: *Τεῦχος ἐκ χάρτου κοινοῦ μήκ. 0, 21, πλάτ. 0, 13, κατὰ τὴν εἰς ἑκατονταετηρίδα γεγραμμένον ὑπὸ γραφῆως ἀμαθεστάτου, ἐκ φύλλων δὲ συγχείμενον 364. Περιέχει: Βίους ἁγίων ἀναμιξ καὶ κεφάλαια ψυχωφελῆ ἀσκητικὰ καὶ λόγους πατέρων οἶον: Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας καὶ Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου ἐν οἷς καὶ τὸ ἀπόκρυφον: Ἀποκάλυψις τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ πρὸς τὸν ἅγιον Ἰωάννην τὸν Θεολόγον.* Листы сборника не размѣнены.

ἔτει μγ' τοῦ Αὐγούστου βασιλέως, ζήτησιν ἐποιήσατο ὁ Ἡρώδης ὁ βασιλεὺς Ἱεροσολύμων τοῦ ἀπολέσαι αὐτόν· τότε ἐχρηματίσθη Ἰωσήφ ὑπὸ ἀγγέλου Ζωνθοῦθαμουήλ, ὅ ἐστι δούλος τοῦ Ὑψίστου, τοῦ ἄρα τὸ παιδίον καὶ φεύγειν εἰς Αἴγυπτον, ὃ καὶ ἐποίησεν· καὶ ἄρας τὸ παιδίον ἀπῆλθεν εἰς Αἴγυπτον καὶ ἐποίησεν ἐκεῖ μῆνας ἰβ' παρά τινι Ἀρφαίῳ ἀνθρώπῳ τοῦ Θεοῦ ἢ τ. д Работая въ этой библиотекѣ лѣтомъ 1893 г. и еще не зная о книгѣ Васильева, я списалъ этотъ апокрифъ. Текстъ его не на столько исправенъ, чтобы привести его здѣсь полностью, но обозначить главнѣйшія отмѣны его противъ текста монтекассинскаго считаю нелишнимъ.

Въ авинскомъ, вообще болѣе подробномъ, какъ видно и изъ приведенныхъ строкъ, изложеніи объяснено, почему Иродъ съ такимъ тщаніемъ ищетъ Іоанна: онъ опасается, что младенецъ будетъ впоследствии царствовать надъ Израилемъ. Убийцы поразили Захарію у дверей храма, а онъ ползкомъ достигъ до святилища ¹⁾. Гору для Елисаветы открываетъ архангелъ Уриилъ ²⁾. Къ пребыванію Елисаветы и Іоанна въ горѣ приурочено событіе, изложеніе котораго, къ сожалѣнію, сильно испорчено переписчиками. Вотъ его текстъ. Γενομένου δὲ τοῦ Ἰωάννου ἡμέρας μ' ὁ Κύριος ἐλθὼν ἀπὸ Αἰγύπτου σὺν Γαυριήλ τοῦ ἀρχαγγέλου ἐν Βηθλεὲμ τῆς Ἰουδαίας ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Θεοῦ, καὶ προσέταξεν τῷ Θυριήλ (чит. Οὐριήλ) καὶ ἤγαγεν ἐκείσαι (чит. ἐκείσε) τὸν Ἰωάννην νύκτα. καὶ ἐλθόν[των] αὐτῶν ἀμετρῆτων οἱ δ' δυνατοὶ Μυχαήλ, Γαβριήλ, Οὐριήλ καὶ Ῥαφαήλ ἐν οἷς ποῦ ἔνε (чит. εἶναι?) ὁ Κύριος, καὶ ἤγαγον τὸ σκήνωμα Ζαχαρίου, καὶ ἐνεφύσησεν αὐτῷ πρὸς ζωὴν ὁ Κύριος, καὶ ἀναστάντες πρὸς λειτουργίας (чит. λειτουργίαν) ἐτρέποντο. καὶ προσέταξεν ὁ Κύριος καὶ ἐξέβλυσεν πηγὴν ὕδατος, ὅπου τὰ ἅγια ἐν τῷ ναῷ τοῦ Θεοῦ καὶ ἐβάπτισεν (Господь?) ἐκεῖ τὸν Πρόδρομον Ἰωάννην καὶ τότε βαπτίζει (Предтеча?) τὸν πατέρα αὐτοῦ Ζαχαρία (чит. Ζαχαρίαν), καὶ ἔκραξαν οἱ ἄγγελοι Ἀμήν ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος ὁ Θεὸς ὁ καθήμενος ἐπὶ θρόνου δόξης· ὅτι τῷ (чит. τὸ) δόγμα τοῦτον (чит. τοῦτο) ἐκ τοῦ πατρὸς τῶν φωνῶν (чит. φώτων?) ἐστὶν καὶ τοῦ (чит. τὸ) λουτρὸν οὐράνιον· καὶ ἄλλιν (чит. πάλιν) εἶπεν (?) Ἀμήν. τότε προσέταξεν ὁ Κύριος καὶ κηδέουσιν οἱ ἄγγελοι τὸ σῶμα Ζαχαρίου, καὶ ἔθαψαν αὐτὸ ἐν τῷ ναῷ τοῦ Θεοῦ ὑποκάτω τοῦ θυσιαστηρίου· καὶ ἐν αὐτῇ τῇ ὥρᾳ ἀπῆλθεν ὁ Κύριος Γαυριήλ (чит. σὺν Γ.) ἐν Αἰγύπτῳ, καὶ Ἰωάννης σὺν τῷ Οὐριήλ ἐν τῇ ἐρήμῳ. ὅ τι ἐν στιγμῇ χρόνου ἐν τῇ νυκτὶ ἐκείνῃ ἐγένοντο τὰ μεγάλα ταῦτα.

Очевидно, здѣсь идетъ дѣло о «небесной литургіи», столь популярной въ средніе вѣка, здѣсь осложненной крещеніемъ Крестителя и его отца Захаріи ³⁾.

Въ этомъ текстѣ отсутствуетъ чудесное перенесеніе Елисаветы съ младенцемъ въ домъ ея. Здѣсь не съ 30 л., а съ 5 Предтеча носитъ

1) καὶ ἐπάταξεν (επάταξεν cod.) αὐτόν τῇ νυκτὶ ἐκείνῃ πρὸς τῶν πυλῶν τοῦ ἱεροῦ τοῦ Θεοῦ· αὐτὸς δὲ ἔρπων ἦλθεν πλησίον τοῦ θυσιαστηρίου.

2) Θυριήλ cod.

3) Ср. статью о крещеніи Богородицы и апостоловъ, часто встрѣчающуюся въ сборникахъ и напечатанную въ приложеніяхъ къ *Chronic. Pasch.* (ed. Dindorf II, 144).

свойственную ему одежду. И жена Ирода и дочь его объ называются Иродіадами. Объ усѣченной главѣ Крестителя здѣсь новая подробность: мать плясавицы бросила ее собакамъ, а тѣ поклонились ей и отнесли ее къ ученикамъ Іоанна ¹⁾. Архангелъ, побуждающій Елисавету похоронить тѣло сына, тотъ-же Уріилъ. Дочь Ирода не играетъ на льду, но попадаетъ подъ него поскользнувшись. Къ этому наказанію Ирода присоединяется рядъ другихъ: Алмонъ, сынъ его, умеръ бѣсноватымъ; Иродіада-мать, оплакивая бѣдствія дома своего, лишилась лѣваго глаза ²⁾; Иродъ охромѣлъ и умеръ отъ водянки, тѣло его не было принято землею; но *Прокла*, законная жена его, отвергнутая имъ ради Иродіады, раздала бѣднымъ все имѣніе свое, чтобы они молились за кости Ирода, дабы земля приняла ихъ. Имя ученика писателя этой исторіи—Эрпій (*Ἐρπίος*).

Въ своемъ введеніи (стр. III—V) А. Васильевъ указываетъ на перво-евангеліе, какъ на источникъ первой части сказанія, а для сравненія съ послѣдней его частью приводитъ указанныя акад. А. Н. Веселовскимъ мѣста изъ изложенія муч. Дорофея Кирскаго о 70 апостолахъ (*Chron. Pasch. ed. Dindorf, Приложенія II, 138*) и изъ Никифора Каллиста; любопытно, что въ первомъ случаѣ плясавица встѣпаетъ на ледъ геннисаретскаго озера, какъ въ монтекассинскомъ текстѣ, *κατὰ τέρψιν*; у Каллиста же, какъ въ аѳинской рукописи она по необходимости переходитъ черезъ замерзшую рѣку.

Къ этимъ двумъ параллелямъ можно прибавить другія, не менѣе интересныя; но прежде слѣдуетъ установить, чтò было исторической основой этого сказанія. Кромѣ Евангелія, по всей видимости, таковой послужили чрезвычайно популярныя въ византійскій періодъ *Иудейскія Древности* Іосифа Флавія ³⁾. Въ XVII книгѣ (гл. VI—VIII) ихъ Іосифъ сообщаетъ ужасающія подробности о болѣзни, послѣднихъ жестокостяхъ и смерти Ирода-дѣтоубійцы, такъ называемаго Великаго; а въ XVIII кн. (гл. V) онъ рассказываетъ о пораженіи Ирода четверовластника (Антипы) войсками Ареты, отца отверженной имъ изъ-за Иродіады жены, и о томъ, что народная молва объясняла это поражение Божьимъ наказаніемъ за смерть Іоанна Крестителя, котораго Иродъ-Антипа велѣлъ лишить жизни въ крѣпости Махерунтѣ, опасаясь его вліянія на народъ. Связавъ эти два факта, іудейскій историкъ въ глазахъ благочестивыхъ читателей тѣмъ самымъ подкрѣплялъ повѣствованіе Евангелія. Въ той же книгѣ (гл. VII) Іосифъ рассказываетъ о ссылкѣ Ирода и Иродіады въ Лугдунъ, въ Галлію, при чемъ они были лишены своего имущества.

Текстъ Пасхальной Хроники (ed. Bonn. I, 407—8), рассказывая объ

1) ἡ μήτηρ αὐτῆς κυσὶν αὐτὴν ἔδωκεν καὶ οἱ κύνες προσκυνήσαντες αὐτὴν προσήνευχαν τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ.

2) Ἀλλῶν δὲ ὁ υἱὸς αὐτοῦ δαιμονιζόμενος ἀπέθανεν· ἡ δὲ Ἰρωδία πενθοῦσα τὸν οἶκον αὐτῆς εὐώνυμον ὀφθαλμὸν ἐτυφλώθη.

3) Ἰουδαϊκὴ Ἀρχαιολογία; о ней см. W. Christ, Geschichte der griechischen Litteratur. 2 Aufl. München, 1890, стр. 543 и слѣд.

усѣченіи главы Предтечи, ссылается именно на XVIII кн. Иосифа, но цитируетъ ее не совсѣмъ вѣрно: ιστορεῖ δὲ καὶ ὁ Ἰωσήφπος ἐν ἡ' τῆς Ἀρχαιολογίας αὐτοῦ βίβλῳ ὡς διὰ Ἡρωδιάδα, γυναικὰ οὖσαν Φιλίππου τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ τοῦ Ἡρώδου, ὁ ἅγιος Ἰωάννης ἀποτέμνεται. Очевидно, авторъ безсознательно подчинилъ Иосифа Евангелію.

Георгій Синкеллъ (нач. IX в.), вкратцѣ упомянувъ о мучительной смерти Ирода старшаго (ed. Bonn. I, 600), ниже (ibid. 606) рассказываетъ объ усѣкновеніи главы Крестителя тоже по Иосифу, но при этомъ ссылается на болѣе точное (ἀκριβέστερον) евангельское повѣствованіе. Еще ниже (подъ 39 г. по Р. X., I, 625—6) онъ говоритъ о жалкой участи, постигшей Ирода и Иродіаду, слѣдующее: Ἀγρίππας Ἡρώδου παῖς ἐπὶ Τιβερίου Καίσαρος φρουρηθεὶς διὰ τὰς κατὰ τοῦ ἰδίου πατρὸς κατηγορίας καὶ ἀνεθεὶς τῶν δεσμῶν ὑπὸ Γαίου Καίσαρος βασιλεὺς Ἰουδαίων ἐκπέμπεται: Ἡρώδης δὲ ὁ τούτου πατήρ ἐν Λουγδόνῃ τῆς Γαλατίας ἐξορισθεὶς ἐν ἐσχάτῃ πενίᾳ σὺν Ἡρωδιάδι τῇ μοιχαλίδι θνήσκει. τὴν γὰρ ὀρηχσαμένην κόρην ἐπὶ τῆς ἀποτομῆς τοῦ μεγάλου προφήτου προδρόμου καὶ βαπτιστοῦ Ἰωάννου ζῶσαν κατέπιεν ἢ γῆ. Здѣсь все, кромѣ послѣдняго предложенія, взято изъ Иосифа съ незначительнымъ усиленіемъ (ἐν ἐσχάτῃ πενίᾳ), а послѣднія строчки представляютъ зерно позднѣе развившагося сказанія о казни Божьей, постигшей «плясавицу». Георгій Амартоль (середина IX в.), пользуясь, очевидно, Иосифомъ, рассказываетъ сперва (ed. Muralt, 226—7) о смерти Ирода и Иродіады (δὲ ἦν καὶ τὸν Πρόδρομον ἀνεῖλεν), какъ въ Пасхальной Хроникѣ, а немного ниже (228—9) съ большими подробностями и съ поименнымъ указаніемъ на «исторію» Иосифа говоритъ о смерти Ирода старшаго. Этому рассказу онъ предпосылаетъ слова: Ὁ δὲ ἄθλιος Ἡρώδης (младшій, Иродъ Антипа) ἐπὶ ἡμέρας φθειρόμενος καὶ σκόληκας ἐκβράζων, ἐλεεινῶς τὸν βίον κατέλυσε, ὡσπερ καὶ ὁ δυσσεβέστατος αὐτοῦ πατήρ.

И такъ въ томъ же IX в., но нѣсколько позднѣе, мы находимъ также въ зачаточномъ состояніи и другой составной элементъ нашего сказанія — перенесеніе на Ирода, убійцу Крестителя, преданія о мучительной и позорной смерти отца его.

Въ срединѣ X вѣка, въ лексиконѣ Свида (ed. Bernhardy I, 2, стр. 895—96, подъ словомъ Ἡρώδης) «плясавицѣ» дано имя; это Σαλώμη, дочь Иродіады отъ перваго ея брака съ Филиппомъ; дочь Иродіады она называется въ Евангеліи, но имя взято изъ Иосифа Флавія (XVIII, V). О смерти обоихъ Иродовъ Свидѣ буквально повторяетъ слова Амартола.

Кедринъ (XI—XII в.) о жестокостяхъ Ирода старшаго и о его мучительной смерти рассказываетъ по Иосифу, не ссылаясь однако на него (ed. Bonn. I, 321—2 и 332—3), а объ изгнаніи Ирода-Антипы и гибели «плясавицы», его дочери, повторяетъ дословно Синкелла, но потомъ прибавляетъ (стр. 323): οἱ δὲ φασιν ὅτι εἰς πάγον παίζουσα ἐπάνω λίμνης διαρραγέντος κατῆλθε κάτω, καὶ τῆς κεφαλῆς ἀποσφηνωθείσης τὸ μὲν σῶμα ἅπαν εἰς τὸν βυθὸν κατῆλθεν, ἢ δὲ κεφαλὴ ἐπάνω τοῦ πάγου ὑπελείφθη.

Изъ сказаннаго съ значительной вѣроятностью можно заключить,

что сказаніе сложилось около IX вѣка ¹⁾, но пополнялось и обставлялось новыми подробностями и много позднѣе. Любопытно наблюденіе проф. Покровскаго ²⁾, что именно съ IX вѣка художники стали пользоваться преданіемъ о спасеніи Елисаветы съ младенцемъ Іоанномъ въ горы. «Не слѣдуетъ ли поэтому думать», спрашиваетъ Н. В. Покровскій, «что къ тому времени преданіе это стало общеизвѣстнымъ и не считалось апокрифическимъ?» Вообще слѣдовало бы пересмотрѣть иконографію Предтечи, имѣя въ виду вышеизложенное сказаніе: весьма возможно напр., что западныя изображенія маленькаго Іоанна, отводимаго ангеломъ или даже относимаго имъ на плечѣ, о которыхъ говоритъ Г. В. Каменновъ ³⁾, а также и положеніе тѣла Крестителя во гробъ апостолами Андреемъ и Іоанномъ, изображаемое по аеонской Ерминіи ⁴⁾, обусловлены или закрѣплены его распространеніемъ.

Какъ поздній отзвукъ преданія о казни «пласавицы» отмѣтимъ ея упоминаніе въ знаменитомъ романѣ Сю «Вѣчный жидъ»; припомнимъ, что она появляется въ самомъ началѣ романа на берегу *Ледовитаго* океана ⁵⁾ и что она блуждаетъ безъ устали по землѣ, такъ же какъ и въ каталанскомъ преданіи, указанномъ акад. Веселовскимъ ⁶⁾; Эж. Сю, какъ и каталанское преданіе и какъ обѣ версіи нашего апокрифа, называетъ ее Иродіадой.

Подъ № 2 въ книгѣ Васильева издано «Преніе Христа съ дьяволомъ». У Тихомирова мы находимъ его въ двухъ русскихъ изводахъ: по рукописи 1602 г. (Имп. Публ. Библ.) и по рукописи XVIII в. (принадл. Сахарову). У Васильева тоже два текста: венеціанскій XII в. и вѣнскій XIII в.; къ обоимъ имъ ближе тихонравовскій текстъ 1602 г., а изводъ XVIII в. представляетъ попытку слить апокрифъ съ евангельскимъ рассказомъ объ искушеніи Христа въ пустынь, къ чему ближайшимъ поводомъ послужилъ упоминаемый въ началѣ апокрифа 40-дневный постъ Господа и учениковъ его. Греческіе тексты обширнѣй русскаго и объясняютъ многія его ошибки и сокращенія, хотя сами далеко не отличаются исправностью ⁷⁾. Издатель вполне правильно расчленилъ этотъ апокрифъ на двѣ части: повѣствованіе о побѣдоносной борьбѣ Христа-человѣка съ дьяволомъ и предсказаніе о послѣднихъ временахъ, и ко второй части

1) На эпоху раздѣленія церквей, можетъ быть, указываетъ и сохранившееся въ обихъ версіяхъ объясненіе *акриды* посредствомъ финиковъ: наивный авторъ апокрифа, зная, что православные облачаютъ латыннѣя за яденіе скверны, счелъ нужнымъ снять возможное обвиненіе съ Крестителя.

2) Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. СПб. 1892, стр. 150.

3) Православный Собесѣдникъ 1887 г. «Иконографія св. Іоанна Крестителя въ восточной и западной церкви», стр. 35.

4) Ἐχθός τε δευτέρη ὑπὸ 'Αν. Κωνσταντινίδου. 1885, стр. 213 Ср. у В. Каменнова о. с., стр. 46.

5) Le Juif errant, éd. par Louis Huard. Bruxelles. 1846, I, стр. 6. Ср. ibid. 117.

6) Разысканія въ области духовн. стиха VI—X. СПб. 1883 стр. 221.

7) Даже пугаютъ собесѣдниковъ, напр. α', стр. 5, строка 4.

сдѣлалъ рядъ цѣнныхъ указаній въ апокалипсической литературѣ. Но я не могу согласиться съ нимъ относительно «явнаго» (*perspicuum*, Praefatio, стр. VI) вліянія двоевѣрныхъ ересей на этотъ апокрифъ: «что дьяволъ царствовалъ на землѣ до пришествія Христа» вовсе не еретическое мнѣніе; а слова: ἀλλὰ πλείων σου ὑπάρχω καὶ τῶν ἀγγέλων σου γέγονα, столь ясно тутъ же оказавшіяся ложью, только проявленіе хвастовства отъ гордости падшаго врага Божія. Васильевъ думаетъ, что еслибъ вмѣсто: οὐκ εἰμι ὅμοιος τοῦ ὑψίστου, σὺ δὲ υἱὸς αὐτοῦ, ἀλλ' ἐγὼ ὅμοιος ἐκουτοῦ можно было читать ἐγὼ εἰμι ὅμοιος и т. д., было бы несомнѣнно, что авторъ статьи манихейнинъ. Но такое чтеніе ничѣмъ не мотивировано; напротивъ: третье предложеніе именно требуетъ отрицанія въ одномъ изъ предыдущихъ. Кромѣ того разночтенія другого греческаго и обоихъ славянорусскихъ текстовъ¹⁾ дѣлаютъ первоначальность этой фразы болѣе, чѣмъ сомнительной. Наконецъ, позорное безсиліе сатаны, столь рѣзко проявляющееся во всемъ разказѣ, рѣшительно противорѣчитъ идеѣ о равенствѣ двухъ началъ.

Подъ № 3 помѣщены «Вопросы Вареоломѣя» по вѣнской рукописи XIII в., гдѣ эта статья лишена начала; но это начало дополняютъ Памятники Отреч. Лит. Тихонравова (II, 18 и слѣд.; тоже въ Памятн. Кушелева III, 109 и слѣд.) по знаменитому Паисіевскому сборнику (XIV в.) за то «Вопрошаніе» въ Паисіевскомъ сборникѣ лишено конца, составляющаго бѣольшую половину статьи²⁾.

Этому «важнѣйшему памятнику апокрифической литературы»³⁾ очень посчастливилось въ послѣднее время: не только издатель въ предисловіи (стр. VII—XII) указалъ къ нему длинный рядъ интересныхъ параллелей, но и В. Н. Мочульскій посвятилъ ему цѣлую главу въ своемъ изслѣдованіи: «Слѣды народной Библии въ славянской и въ древнерусской письменности» (Одесса, 1893, стр. 230 и слѣд.); тамъ же въ приложеніяхъ (№ V,

1) Въ текстѣ вѣнскомъ говорить Христосъ: ἐὰν μὴ σοι πολεμήσω, οὐκ ἔσομαι βασιλεὺς τῶν αἰώνων. Въ тихонрав. II: аще не борюся съ тобою, не буду подобенъ Вышнему (τοῦ ὑψίστου); въ тихонр. I испорчено, но, очевидно, изъ того же: еще не бойся, сатана, съ тобою не буду (написано два раза) Вышнему.

2) Вотъ содержаніе этой недостающей въ славянскомъ переводѣ половины. Ободренный Христомъ, Вареоломѣй попираетъ ногою шею сатаны, и тотъ на его вопросы рассказываетъ ему исторію своего созданія, говоритъ объ ангелахъ перво-зданныхъ, объ ангелахъ, завѣдующихъ элементами, вѣтрами и пр., о мукахъ грѣшниковъ и о томъ, какъ дьяволы искушаютъ людей. Затѣмъ (съ стр. 19) слѣдуетъ молитва Вареоломѣя къ Иисусу Христу за грѣшниковъ; затѣмъ опять діалогъ апостола съ сатаною, который рассказываетъ о созданіи Адама, о своемъ и своихъ 600 подручныхъ отказѣ поклониться подобію Божію, о возстаніи гордыхъ противъ Господа и сверженіи ихъ съ неба, о совѣтѣ ихъ, о томъ, какъ онъ сатана опоилъ и обманулъ Евву. Затѣмъ идетъ опять молитва Вареоломѣя за грѣшныхъ и его разговоръ съ Христомъ о томъ, слѣдуетъ ли всякому человѣку открывать тайны Божіи, о тягчайшихъ грѣхахъ и между прочимъ о грѣхѣ плотскомъ.

3) Gravissimum cum rebus ipsis tum poetico quem traxit colore eoque virido litte-
ragum аросурпагum monumentum. Васильевъ, Praef., стр. VII.

стр. 276 и слѣд.) онъ напечаталъ неизвѣстный до сихъ поръ славянскій изводъ его по вѣнской рукописи.

Г-нъ Мочульскій въ заключеніи своего изслѣдованія объ этомъ памятникѣ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ (стр. 246—7):

1. «Вареоломѣевы вопросы Богородицѣ . . . возникли въ монофизитской средѣ, какъ можно судить по дошедшимъ до насъ спискамъ этого памятника.

2. Соображаясь съ древнѣйшими списками даннаго памятника, сохранившимися въ коптской письменности, можно предполагать, что онъ возникъ приблизительно въ VII в. по Р. Х.

3. Посредствующей средой, способствовавшей проникновенію даннаго памятника въ письменность славянскую, а съ нею и въ древнерусскую, служили Малоазійскіе Славяне, жившіе обокъ съ монофизитами Армянами».

Къ сожалѣнію, при тѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, по моему мнѣнію, ни одно изъ этихъ положеній не можетъ считаться сколько нибудь солидно обоснованнымъ.

Монофизитскую тенденцію «Вопросовъ» г. Мочульскій усматриваетъ въ томъ, что «какъ въ изображеніи тайны искупленія, такъ и при изложеніи тайны воплощенія, составитель нашего памятника старается выдвинуть одну лишь божескую природу Христа, желая какъ бы показать, что какъ при воплощеніи Христосъ, какъ Богъ, вошелъ въ утробу дѣвы, такъ и при искупленіи Онъ остался Богомъ, и во всемъ величій божества сошелъ во адъ, дабы освободить Адама изъ узъ дьявола». «Чтобы не быть голословнымъ», г. Мочульскій приводитъ слова Вареоломѣя Господу: *И видѣхъ тя на крестѣ обѣшена, и ангели съ небесъ схожаху, и кланяхуся твоей смерти* ¹⁾ и т. д. и слова, слышанныя при нисхожденіи Христа въ адъ: *се бо сходитъ царь славы* ²⁾. Заключительными же аргументами изслѣдователь выставляетъ то обстоятельство, что «о страданіяхъ Христа, въ которыхъ проявилась природа человѣческая, въ нашемъ памятникѣ нѣтъ ни слова» и что при изображеніи воплощенія нѣтъ «ни одной черты изъ реальной обстановки, которыми такъ богата апокрифическая литература» (242).

Аргументы *a non dicendo* въ нашей области вообще не могутъ считаться доказательными; еретикъ, желающій провести свою тенденцію въ народъ посредствомъ вымышленнаго разказа, не ограничится умолчаніемъ о фактахъ, его ереси противорѣчащихъ, а прямо отвергнетъ ихъ или замѣнитъ противоположными. Ангелы, поклоняющіеся распятому Христу, являются въ безчисленномъ множествѣ памятниковъ искусства, такъ же какъ и въ Мессіадѣ Клопштока (пѣсни VIII и слѣд.), котораго, конечно, никто не подумаетъ обвинять въ монофизитствѣ ³⁾. Разрушеніе

1) Курсивъ у г. Мочульскаго со стр. 241.

2) Тоже стр. 242.

3) Никто также не будетъ обвинять въ монофизитской тенденціи цѣлый періодъ искусства, когда распятый Христосъ изображался не страдающимъ, а какъ бы царствующимъ на крестѣ.

вратъ адовыхъ и выраженіе: «се бо сходить царь славы» встрѣчаются постоянно и въ проповѣдяхъ и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ; а въ данномъ памятникѣ рассказъ о сошествіи Христа въ адъ есть мѣстами распространеніе, мѣстами сокращеніе известной части Никодимова Евангелія, многія выраженія котораго здѣсь приводятся дословно ¹⁾; отсюда же, съ естественнымъ сгущеніемъ красокъ, взято и выраженіе сатаны: «самъ бо Богъ на землю не снидетъ», которое рѣзко противорѣчитъ монофизитству. Не забудемъ, что «Воспрошанье» происходитъ послѣ воскресенія Христа, когда божественность его природы сказалась съ особенною силою. Что же касается до «чертъ изъ реальной обстановки», сопровождающихъ актъ воплощенія, то въ апокрифахъ онѣ вовсе не таковы, чтобы отсутствіе ихъ могло свидѣтельствовать о монофизитской тенденціи ²⁾. Вообще преувеличеніе, усиленіе элемента чудеснаго есть общая черта всей апокрифической литературы; если не принимать этого въ расчетъ, болъшую половину ея придется приписать монофизитамъ ³⁾.

Что касается до времени происхожденія нашего памятника и коптскихъ пересказовъ, то я не имѣю въ настоящее время подъ руками ни Дюлорье, ни Revillout ⁴⁾; но, судя по изложенію г. Мочульского (стр. 238—9), никоимъ образомъ не могу признать ихъ списками нашего апокрифа, такъ какъ только первый изъ нихъ имѣетъ съ нимъ два пункта соприкосновенія (выдающаяся роль ап. Варооломѣя и изведеніе Адама изъ ада) и предполагаетъ генетическую связь; но назвать его спискомъ Варооломѣевыхъ вопросовъ все равно, что признать таковымъ Никодимово евангеліе. Изъ того, что въ коптской письменности VIII—IX в. былъ памятникъ, литературно родственнѣйшему нашему апокрифу, можно только съ нѣкоторою вѣроятностію опредѣлить *terminum a quo*, но не время возникновенія памятника. Въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ апокрифъ дошелъ до насъ, онъ несомнѣнно составленъ грекомъ, какъ это видно изъ этимологіи Иисуса отъ *Ἰησοῦαι*, Христа отъ *χρίσω* и 4-хъ райскихъ рѣкъ (у Вас. стр. 20 и 21), но грекомъ знавшимъ нѣсколько по еврейски, какъ это доказываютъ еврейскія слова молитвы Богородицы (стр. 12), если только они еврейскія, о чемъ я, къ сожалѣнію, не могу судить. Правда, выдающаяся роль ап. Варооломѣя съ одной стороны и близкое отношеніе его къ Эѳіопіи съ другой могутъ привести къ предположенію,

1) Ср. Тихонравова 18: Возьмете врата князи ваши; отъимете врата вѣчная. Tischend. Ev. ар. 2-ое изд. стр 328: ἄρατε πύλας οἱ ἄρχοντες ὁμῶν, καὶ ἐπάρατε πύλας αἰώνιοι и пр.

2) Припомнимъ напр. замираніе всей природы въ XVIII гл. Протоевангелія (Tisch., I. c., стр. 34).

3) Замалчиваніе человѣческой природы Христа можетъ только свидѣтельствовать, что этотъ апокрифъ могли съ особой любовью списывать и распространять монофизиты, но а *posse ad esse* и пр. придти къ *выводу* можно только на основаніи фактовъ.

4) У Тишендорфа Арос. Аросг. на указанномъ г. Мочульскимъ мѣстѣ (стр. XXXVII) дѣло идетъ объ Успеніи Богородицы.

что прототипъ сказанія возникъ на африканской почвѣ; но до новыхъ фактовъ это предположеніе остается, такъ сказать, висящимъ на воздухѣ.

Что касается третьяго вывода г. Мочульскаго о «посредствующей средѣ», то я рѣшительно отказываюсь признать не только его научную стойкость, но даже и потребность въ немъ: если дѣло идетъ о литературномъ памятникѣ, переведенномъ съ одного языка на другой, какая можетъ быть рѣчь о «посредствующей средѣ?» Не можетъ же г. Мочульскій думать, что славянскій переводъ сдѣланъ съ армянскаго?

Было бы полезно, еслибъ г. Мочульскій вмѣсто такихъ излишне смѣлыхъ выводовъ повнимательнѣй изслѣдовалъ отношеніе текстовъ: греческаго, паисіевскаго и вѣнскаго; оно и при бѣглому чтеніи оказывается довольно интереснымъ. Прежде всего любопытнымъ представляется тотъ, такъ сказать, цензорскій красный карандашъ славянскаго переводчика (или греческаго переписчика, писавшаго его оригиналъ?), который вычеркнулъ слѣдующія слова Богородицы: ...σύ, Πέτρε κορυφαίε, καὶ κάθισον ἐκ δεξιῶν μου καὶ ὑπόβαλον τὴν εὐώνυμόν σου χεῖραν ὑπὸ τὴν μασχίην (leg. μασχάλην) μου. καὶ σύ, Ἀνδρέα, ποίησον οὕτως. σὺ δὲ Ἰωάννης παρθένε, σύσχε μου τὸ στήθος. σὺ δὲ Βαρθολωμαίε, πῆξον τὰ γόνατά σου εἰς τοὺς ἄμους μου καὶ σφίγγον τοὺς ἄμους μου, μὴ ποτε ἀρχαμένης μου λέγειν λυθῶσι τὰ ὀστά μου. Далѣе оказывается, что паисіевская и вѣнская рукописи ближе между собою, нежели каждая изъ нихъ къ греческому тексту, и исходятъ, очевидно, изъ одного перевода, греческій оригиналъ котораго представлялъ во многихъ мѣстахъ болѣе исправный текстъ, чѣмъ напечатанный Васильевымъ; этому оригиналу иногда вѣрнѣе паисіевскій текстъ, иногда вѣнскій. Всего же важнѣе то покаместъ загадочное обстоятельство, что паисіевскій и вѣнскій тексты обрываются на одномъ и томъ же мѣстѣ, на описаніи сатаны; не есть ли вся 3-я часть позднѣйшая прибавка, которой не зналъ оригиналъ славянскаго перевода? Это подтверждается тѣмъ, что индексы знаютъ только вопросы апостола Варооломѣя *Богородицѣ*; но этому противорѣчитъ отсутствіе заключенія въ вѣнскомъ текстѣ и слишкомъ краткое, очевидно, принадлежащее писцу паисіевскаго сборника. Оставляемъ пока вопросъ открытымъ.

«Епистолія о недѣлѣ», двѣ версіи которой (одна по рукописи Барберинской библиотекы 1497 г., другая по рукописи XVI в.) помѣщены Васильевымъ подъ № 4, уже два раза подвергалась обслѣдованію русскихъ ученыхъ: ею занимался А. Н. Пыпинъ въ 1864 г. (см. Лѣтопись занятій Археограф. Коммиссіи II, стр. 1—13) и А. Н. Веселовскій (см. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды въ Ж. М. Н. Пр. 1876 г. № 3, ср. 1877 г. № 5, стр. 121—3); въ послѣдней изъ этихъ работъ приведенъ длинный рядъ фактовъ, прекрасно разъясняющихъ связь между этимъ памятникомъ и западными флагеллянтами. Уже г. Пыпинъ признаетъ возможность появленія епистолии на Руси съ запада, именно черезъ Польшу (стр. 7); г. Веселовскій идетъ еще дальше и только «въ крайнемъ случаѣ» (стр. 115) допускаетъ, что оригиналъ тихонравовской редакціи былъ грече-

скій, но и тогда этотъ оригиналъ былъ пересказомъ латинскаго текста. Г. Веселовскій былъ совершенно правъ при тѣхъ данныхъ, которыми онъ располагалъ, т. е. при своихъ отрывочныхъ свѣдѣнiяхъ о греческихъ текстахъ. Но теперь, благодаря книгѣ Васильева, положенiе дѣла измѣняется. Сопоставимъ напр. хоть слѣд. мѣсто.

Тихонр. II, стр. 316.

разоумѣити безоумнiи и несмыслены и несмирении срѣцемъ. дали ѣврѣѡмъ номось дахъ мойсѣю на горѣ синайстѣи. и не препоущають ѣго. но хранѣ заповѣ моѡ. ѡзыци поганiи закона не прiймше но по закону творѣ а вамъ да законъ и крѣщiе мѣ. да ни ѣдиноѡ заповѣ моѡ не съхранисте. члѣвци злодѣи. ѡко в стѡу нѣлю ѡго члѣка по ѡбразоу своѣмоу створи и по твари своѣи. Не вѣсте ли несмыслении, ѡко в стѡую нѣлю ко аврамоу прiдо на землю. по доубомъ амбрийскомъ. не вѣсте ли безаконiи члѣвци ѡко в стѡую нѣлю ѡвиѣса в коупинѣ мойсѣѣвѣ ѡвихъ ѣмоу вѣроу своѡ (sic) не вѣсте ли безаконiи члѣвци ѡко в стѡую нѣлю радость нарекъ стѣи бѣи и т. д.

Васильевъ, стр. 24.

Νοήσατε, ἄφρονες καὶ ἀσεβεῖς τῆ καρδίᾳ, πῶς δέδωκα τοῖς ἔβραίοις νόμον διὰ Μωσέως καὶ οὐ παραβάνουσιν αὐτόν. Ἔθνη τὰ μὴ νόμον ἔχοντά φησιν (γὰρ) τὰ τοῦ νόμου ποιῶσι, ὑμεῖς δὲ καὶ τὸν νόμον ἔχοντες καὶ οὐδεμίαν ἐντολὴν ἐφυλάξατε. οὐκ ἴδατε, ἀ(γ)νόητοι, ὅτι τὸν πρωτόπλαστον Ἀδὰμ πνοὴν ζωῆς δέδωκα εἰς προτύπωσιν τῆς ἐμῆς σαρκώσεως καὶ ἀναστάσεως, καὶ τὴν ἀγίαν μου ἀνάστασιν οὐ τιμᾶτε; οὐκ ἴδατε, ὅτι ἐν τῇ ἀγίᾳ κυριακῇ ἐπάραις ἐν τῇ δρῦι τῆ Μικ(μ)βρι τοῦ πατριάρχου Ἀβραάμ καὶ ἐκήρυξεν ὀφθῆναι ἐν τῇ βάρβῳ τῷ Μωυσεῖ, καὶ ἐθεάσατο τὰ ὀπισθὲν μου;... οὐκ ἴδατε, ὅτι τῇ ἀγίᾳ κυριακῇ τὴν χαρὰν ἐμήνυσσα ὑπὸ ἀρχαγγέλου Γαβριὴλ τὴν πανάχραντόν μου μητέρα и т. д.

Не ясно ли отсюда, что тихонр. списокъ (XVI в.) есть неисправная копия съ неисправнаго же перевода (см. смѣшенiе ὀπισθεν съ πίστιν) греческаго оригинала, далеко неисправный списокъ съ котораго представляеть текстъ Васильева?

До опубликованiя греческихъ текстовъ А. Н. Веселовскій имѣлъ полное право приурочивать къ XIV в. напасти, о которыхъ говоритъ Господь какъ о насланныхъ имъ прежде (стр. 92); но когда мы находимъ въ текстѣ α' слова: καὶ ἀπέστειλα ἔθνη βάρβαρα καὶ ἐξέχευεν τὰ αἵματα ὑμῶν ἐπὶ γῆς (стр. 23), а въ текстѣ β': καὶ ἀπέστειλα χυμῶνας πλείστους καὶ παραλλήλους καὶ πῦρ καὶ χάλαζαν и пр. (стр. 29), мы, имѣя въ виду раннiя упоминанiя объ этомъ памятникѣ (VI в. и ранѣе), безъ сомнѣнiя, будемъ здѣсь видѣть указанiя на бѣдствiя эпохи переселенiя народовъ.

Первенствующее значенiе ап. Петра въ тихонр. списокѣ (см. Веселовскiй I. с., 115) при новыхъ данныхъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что греческiй оригиналъ явился на свѣтъ до раздѣленiя церквей: извѣстно, что во время религиозныхъ распрей, какъ при иконоборствѣ, такъ и много раньше его, византiйскiе богословы очень охотно ссылались на авторитетъ Рима и мотивировали его извѣстнымъ текстомъ Евангелiя: «Ты еси

Петръ и на семь каменѣ» и пр. При тѣхъ же данныхъ присоединеніе среды къ воскресенію и пятницѣ не можетъ считаться специальной чертою русской епистолии (Весел. ib.): новогреческій текстъ, опубликованный Васильевымъ въ предисловіи (стр. XIV—XX), повелѣваетъ чтить τὰς τετάρτας καὶ τὰς παρασκευάς (стр. XVII) и объясняетъ мотивы этого ¹⁾; едва-ли можно допустить, чтобы эта черта была усвоена изъ русской письменности.

Эта новогреческая редакція ближе къ β', чѣмъ къ α' и ближе къ пыпинскому тексту (Памятн. III, 150 и слѣд.), чѣмъ къ тихонравовскому; она тоже представляетъ редакцію *іерусалимскую*, но еще съ большимъ количествомъ мѣстныхъ указаній. Само собою напрашивается предположеніе, что іерусалимская редакція если не явилась на свѣтъ (этому противорѣчитъ ея существованіе въ VIII в., см. Вес. I. с., стр. 70—71 и далѣе), то особенно распространилась на счетъ римской именно подвліяніемъ несогласій съ латинскимъ западомъ; существованіе ея на западѣ до поздняго времени не противорѣчитъ этому: извѣстно, что и послѣ раздѣленія церковей переводы съ греческаго продолжались.

Къ римской же редакціи принадлежитъ эіопская епистолия, опубликованная А. Н. Веселовскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1877, V, стр. 122—3); она тоже, конечно, представляетъ переводъ греческаго текста. Въ ней говорится: «День недѣльный блюдите отъ девятаго часа субботы до разсвѣта въ понедѣльникъ»; у Васильева въ α' (стр. 24): Ἐπιχατάρτος ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος ὁ ἀπτόμενος (οἶον) δὴ ποτε ἔργον ἀπὸ ὄρας ἐννάτης σαββάτου ἕως ἐπιφωσκούσης κυριακῆς δευτέρας.

Тексты епистолии, опубликованные Васильевымъ, безъ сомнѣнія, должны дать матеріалъ для всесторонняго и подробнаго обслѣдованія; чего стоятъ одни *Помогимы* и *Патерены*, сопоставленные съ крестопопирателями (σταυροπάται) и зломышленными зилотами (κακόφρονες ζηλωταί стр. 25 и 26)! Но для полнаго успѣха работы было бы желательно обставить ихъ большимъ критическимъ аппаратомъ.

Въ текстѣ β' является тотъ же патріархъ Іоанникій, котораго еще Фабрицій (Cod. аросг. N. T. III, 512) приурочилъ къ 1523 г. Эту догадку нельзя не признать крайне неудачной; выдвинувшійся на короткое время въ 1522—3 г. Іоанникій «Sozopolis metropolita» былъ незаконно превозглашенъ патріархомъ *Константинопольскимъ*, но не былъ принятъ паствою и подвергся проклятію отъ Іереміи; здѣсь же Іоанникій патріаршествуетъ въ *Іерусалимѣ* и пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Такого патріарха не знаетъ Oriens christiana Lekiena; здѣсь очевидная ошибка въ имени, такъ какъ трудно допустить немотивированную выдумку, но какъ исправить чтеніе, я не знаю ²⁾.

1) τὴν ἀγίαν τετάρτην παρεδόθην εἰς τὰς χεῖρας τῶν Ἰουδαίων διὰ τὴν σωτηρίαν σου. Да и самое паденіе камня ἦτον ἡμέρα τετάρτη.

2) Объ Іоанникіи см. Lequien I, 320 и слѣд. Ср. Маг. Γεδεών, Πατριαρχικοί πίνακες. Константинополь 1884, стр. 502.

№№ 5-ый и 6-ой принадлежать къ апокрифическимъ пророчествамъ о послѣднихъ временахъ и о связанныхъ съ ними судьбахъ Византіи. № 5: «Видѣнія Даниила» заключаетъ въ себѣ 3 текста; изъ нихъ два первые (α' и β') взяты изъ барберивской рукописи 1497 г.; третій изъ вѣнской рукописи конца XIV в.; послѣдній былъ извѣстенъ уже съ 1866 г., такъ какъ Тишендорфъ (Arosal. Arost. XXX—XXXIII) привелъ большую часть его по венеціанской и парижской рукописямъ ¹⁾. Текстъ α' представляетъ неисправный списокъ источника откровенія Меоодія ²⁾ (см. Тихонр. 217, ср. 232, также 272; ср. изложение греческаго

1) Содержаніе недостающей у Тишендорфа части (Вас. 44—46): Власть русаго народа надъ семихолмнымъ городомъ продлится «лѣтъ 6 и 5» (ἔτη ἕξ καὶ πέντε. Если это бессмысленное чтеніе измѣнить на ἕξ καὶ πενήντα, мы получимъ дѣйствительную хронологию власти латинянъ въ Константинополѣ). «И будутъ насажены въ немъ овощи, и многіе будутъ ѣсть ихъ въ отщепеніи святыхъ». Тогда поднимутся на востокъ два (три) промыслителя, побьютъ измаильтянъ и прогоняютъ ихъ до колоній. Тогда смянутся кровожадные народы сѣвера и дойдутъ въ гнѣвъ своемъ до великой рѣки и раздѣлятся на 4 власти. . . Придутъ въ движеніе и народы южные (у Вас. опечатка ἐπὶ νότου ἰωνίας) и возстанетъ великій Филиппъ съ 18 языками и соберутся они на семихолмный городъ и будетъ битва, какой еще никогда не бывало, и море наполнится кровью до пролива Абидосскаго. Тогда Быкъ возопіетъ и Ксиролафъ восплачетъ. Здѣсь слѣдуетъ явная порча текста, которая перешла и въ «русскій пересказъ», напечатанный у Срезневскаго, Повѣсть о Цареградѣ, СПб. 1855, стр. 43: Тъгда Вьюосъ возопіетъ, и Скерелафъ восплачетъ, и Стафоринъ речеть: Станите! миръ вамъ и отщепеніе на непослушныхъ! По греч. καὶ τὸ σταθῶν εἶπε: στάμα, εἰρήνη ὑμῖν ἢ ἐχθίστης αὐτῇ—ἐπὶ τοῦ ἀνηκόου. Эту порчу исправляетъ полный текстъ, приводимый А. Н. Веселовскимъ Ж. М. II. Пр. 1875, № 4, стр. 311; смыслъ: Господь признаетъ византійцевъ достаточно наказанными и заступится за нихъ). Послѣ этого найдутъ мужа на 2-хъ колоннахъ стоящаго (въ описаніи его наружности τὸ λον надо исправить въ τὸ λωμα); 4 живоносныхъ ангела внесутъ его въ св. Софію, вѣнчаютъ на царство, дадутъ ему въ десницу мечъ, и онъ побѣдитъ измаильтянъ, франковъ, татаръ; измаильтянъ раздѣлитъ онъ на 3 части: одну мечемъ убьетъ, другую креститъ, а третью прогонитъ до Монодендрія.

Въ русскомъ пересказѣ откровенія Меоодія этотъ избавитель называется Михаиломъ (ср. Пророка Даниила, гл. XII); предположеніе А. Н. Веселовскаго о томъ, что это имя должно находиться и въ греческомъ оригиналѣ, къ сожалѣнію, покамѣстъ не оправдывается.

Мимоходомъ замѣчу, что надпись на гробѣ Константина, будто бы найденная патр. Геннадіемъ Схолодіемъ въ 1421 г. (стр. XXIII), есть переложеніе части этого пророчества въ хорейскіе стихи:

στῆτε, στῆτε· μετὰ φόβου,
 σπεύσατε πολλὰ σπουδαίως
 εἰς τὰ δεξιὰ τὰ μέρη·
 ἄνδρα εὖρητε γενναῖον,
 θαυμαστόν καὶ ῥωμαλαῖον
 τοῦτον ἔζητε δεσπότην,
 φίλος γὰρ ἐμὸς ὑπάρχει и т. д.

Замѣтень 4-хъ стопный, но полуразрушенный хорей и въ предыдущемъ.

2) Что памятникъ и въ этомъ видѣ надписывался именемъ Меоодія Патарскаго,

текста по *Orthodoxographa* у А. Н. Веселовскаго: Опыты по исторіи развитія христіанской легенды Ж. М. Н. Пр. 1875, № 4, стр. 304 и слѣд.), которое предпосылаетъ смѣшенію 4 царствъ краткое обзорѣніе исторіи первыхъ тысячелѣтій, между тѣмъ какъ нашъ текстъ начинается прямо съ исторіи Александра Македонскаго. Текстъ β' заключаетъ любопытную версію видѣнія Даниила, начинающуюся словами: «будетъ въ послѣдніе дни, что возстанетъ юноша изъ сыновъ Измаиловыхъ и пойдетъ на страны»; онъ унизитъ великій Римъ и весь западъ; тогда все божественное впадетъ въ презрѣніе и «священники будутъ, какъ простой народъ, а народъ, какъ демоны». И тогда исполнится земля грѣховъ измаильтянъ и возстанетъ къ Господу. И тогда воззритъ Господь на землю и заставитъ ее дрожать. И заревутъ сыны Измаильскіе, убѣгая въ Маріаны (ἀποφεύγοντες εἰς Μαριανά) и потомъ опять пойдутъ они на землю эллинскую, одни званые, другіе незваные, въ городъ Тиранна. Καὶ ἐξελεύσεται ἄνθρωπος ἐκ πολυφόρου ἐπιφερόμενος ¹⁾ σημεῖα ἔχων τίτλωμα (sic) ἐπὶ τὸν δάκτυλον αὐτοῦ ἢ λαλιά αὐτοῦ ἡδεῖα, ἢ ῥις αὐτοῦ ἐπίκυφος, κολοβὸς τῆ στάσει ²⁾. Жители Тиранниды, по откровенію Божію, посадятъ на колесницу и помажутъ царемъ его, котораго люди считали какъ бы мертвымъ и ни на что не пригоднымъ ³⁾. И возложитъ Господь десницу свою на главу его; онъ выйдетъ противъ измаилитовъ и сразится съ ними въ мѣстѣ Партинѣ (ἐν τόπῳ Παρτηνηῆς) и побѣдитъ ихъ. Послѣ этого онъ пошлетъ пословъ къ русымъ народамъ, и они вмѣстѣ съ ними погонятъ Измаила въ страны его, и у колодца Іакова произойдетъ новая битва, въ которой окончательно будутъ побѣждены агаряне. Тогда будетъ слово къ царю Ромейскому, говорящее: «Сынъ человѣческой! Созови птицъ небесныхъ и звѣрей земныхъ и дай имъ словами позволеніе: ѣшьте плоть человѣческую и пейте кровь нечестивыхъ, ибо жертву великую приношу я сегодня» ⁴⁾. εἶτα ἔλθει ὁ βασιλεὺς ἐπὶ τῆ μεγάλης Ῥώμῃ εἰς τόπον λεγόμενον χαλκὸν ζῶδον (чит. ζῶδιον или ζῶδον) ὃ ἐστὶν ἐκεῖ ἰστάμενον, καὶ τοῦτο μαστιγώσας μετὰ τὸν φραγγέλιον (чит. μετὰ τοῦ φραγγελλίου?) αὐτοῦ, καὶ περὶ τὸ ζῶδον συντριβήσεται ὡσαὶ κωνιορτὸς ὑπὸ ἄλωνος θερίνης ⁵⁾. . . . Потомъ придутъ міриады архонтовъ и принесутъ ему міриады золота, и онъ дастъ руги

доказываетъ сборникъ Сречковича конца XIII в. См. М. И. Соколова, Матеріалы и замѣтки. М. 1888, стр. 20.

1) Ср. у Меод. ἐξελεύσεται ἄνθρωπος ἐν (ἐκ?) πολλοῦ φοροῦ ἐπιφερόμενος. Весел. I. с., 310.

2) Ср. описаніе наружности освободителя по парафразѣ хризмъ Льва Мудраго Весел. I. с. № 5, стр. 58): ὁ οὐνεξ τοῦ μεγάλου δακτύλου τοῦ δεξιῦ ποδὸς τηλώμα (чит. τίτλωμα—мозоль) ἔχων, ἢ λαλιά αὐτοῦ ἡδεῖα и. т. д.

3) Ibid. ὃν ἐδόκουν οἱ ἄνθρωποι ὡς οὐδὲν ὄντα καὶ εἰς οὐδὲν χρησιμεύοντα.

4) См. Тихонравова (по рукоп. XV в.), II, стр. 275: 'И тогда собѣуть реченое прркомъ езекийлемъ. Сноу человекъ созови звѣри поустыінны' и' птица нбѣны' приваби я глѣ. соберетеса и' приидете. трѣбоу вы ѣсмъ оѹготовавъ великую.

5) Сопоставляя это малопонятное мѣсто съ еще менѣ понятнымъ изложеніемъ *Orthodoxographa* (Весел. I. с. 55), можно догадаться, что рѣчь идетъ о чудесномъ добываніи сокровища, охраняемаго какимъ-то *зодиемъ*, т. е. заговоренной статуей.

(жалованье) войску своему и пойдетъ онъ изъ Рима по твердой землѣ и подчинитъ себѣ всѣ народы, ибо Господь Богъ будетъ съ нимъ. «И царь сѣвера, услышавъ о голодѣ (? τὸν βούλιμον, м. б. τὸ βούλημα?) царя седмихолмія, пойдетъ путемъ плѣненія во внутреннія востока, и рабъ чужеземный палицею поразитъ его, и онъ зло погибнетъ. И возстанетъ другой царь . . . и прольетъ кровь святыхъ, какъ воду и осквернитъ народъ свой распутствомъ, соединитъ брата съ сестрою и надѣнетъ оружіе военное на іереевъ, и вельможи его побѣгутъ отъ него»¹⁾. Далѣе говорится объ украшеніи Византіи и о 32-лѣтнемъ счастливомъ правленіи благочестиваго царя. «И настанетъ другой скипетръ и упасетъ народъ свой въ мирѣ». А затѣмъ не безъ мотива начинаются бѣдствія христіанъ (появленіе Гога и Магога?); тогда царь Ромеевъ переселится въ Іерусалимъ; тогда будетъ масса вдовъ и 7 женъ будутъ имѣть одного мужа. Черезъ 12½ лѣтъ явится «сынъ погибели» и будетъ царствовать въ Капернаумѣ; тогда послѣдуетъ отреченіе царя, и архангелъ Михаилъ возьметъ вѣнецъ его и животворящій крестъ. Явятся Энохъ и Ілія на обличеніе антихриста и погибнуть отъ него; тогда наступитъ второе пришествіе.

№ 6 α' (Anonymi de rebus Byzantinis vaticinium) представляетъ небольшой отрывокъ, извлеченный изъ той же рукописи XIV в., изъ которой взяты и 5 γ'; въ немъ подробно развита исторія войны съ измаильтаными, оканчивающаяся пораженіемъ ихъ и 35-лѣтнимъ миромъ; любопытная подробность въ немъ—договоръ на полтора года (ἐπι κκρόν καὶ ἥμισυ κκροῦ, стр. 48) между царемъ измаильтянъ и царемъ Седмихолмія.

№ 6 β' заключаетъ въ себѣ текстъ изъ житія Андрея Юродиваго по вѣнской рукописи XVI в., представляющій довольно важные варианты къ Acta SS.²⁾ Тексты, заключающіеся въ этихъ 2-хъ №№, конечно, не могутъ претендовать на рѣшающее значеніе въ вопросѣ объ исторіи этой обширной и важной семьи памятниковъ византійской литературы; вопросъ этотъ связанъ и съ монументальными древностями Константинополя и со всѣми крупными моментами его политической жизни (хризмы въ той или другой формѣ возобновлялись и передѣлывались при каждой серьезной опасности), а съ другой стороны и съ чрезвычайно многочисленными памятниками апокалиптической поэзіи³⁾. Но эти тексты даютъ не мало новаго матеріалу, и солидно подкрѣпляютъ тезисъ А. Н. Веселовскаго о тѣсной генетической связи пророчествъ Сивиллы съ откровеніемъ Меодія.

№ 7 заключаетъ въ себѣ 3 текста сказанія «Объ іерействѣ Іисуса

1) Ср. Orthodoxographia Весел., стр. 310.

2) Май т. VI, стр. 304 и слѣд. Мимоходомъ замѣтимъ, что дѣянія «сына беззаконія», который въ этомъ текстѣ носитъ странное имя Αἰγλητος, очень напоминаютъ рассказы православныхъ о царяхъ икоборцахъ (Вас. стр. 52 нач.).

3) Будущему изслѣдователю этого вопроса, между прочимъ, необходимо обратить вниманіе на сборникъ Сречковича (см. М. И. Соколова, Матеріалы и замѣтки. М. 1888), въ которомъ находятся восемь статей, сюда относящихся.

Христа»; первый краткій взятъ изъ ватиканской (Оттобоніанской) рукописи XV—XVI в., третій перепечатанъ изъ Свиды, а второй, представляющей интересные варианты къ Свидѣ,—изъ московской пергаментной рукописи XII в. Это сказаніе обследовалъ М. И. Соколовъ, занимаясь апокрифами болгарскаго попа Іереміи ¹⁾, и пришелъ къ заключенію, что «оно рѣшительно противорѣчитъ богомилскому ученію». Вполнѣ соглашаясь съ нимъ, мы полагаемъ, что выводить этотъ апокрифъ «а *Manicheis gnosticis*» (Вас., стр. XXVI) нѣтъ никакого повода. Не находимъ также основанія утверждать, что авторъ этого апокрифа былъ «*christianus a Iudaeis*» (Вас., стр. XXV): идея, что Христосъ долженъ соединять въ себѣ царя и священника, дѣйствительно, шла отъ іудеевъ, но апокрифъ въ той литературной обработкѣ, которая дошла до насъ, стремится объяснить такіе акты изъ жизни Спасителя, которые съ точки зрѣнія іудейства вовсе не нуждались въ объясненіи. Апокрифъ ясно обнаруживаетъ свою цѣль: *καὶ ἐὰν μὴ ᾗν* (Христосъ) *ιερεὺς, οὐκ ἂν ἀπεδόθη αὐτῷ βιβλίον καὶ ἀνεγίνωσκε τὸν προφῆτην Ἠσαΐαν* и т. д. (Вас. стр. 59, ср. стр. 72); но іудей не могъ не знать, что въ синагогѣ всякій имѣлъ право читать писаніе и объяснять его ²⁾; только тогда, когда въ христіанскомъ обществѣ вошли въ силу совершенно другіе обычаи, «въ защиту божественнаго учрежденія церковной іерархіи и богослуженія» ³⁾, могъ идти въ ходъ апокрифъ объ іерействѣ Христа. Сложился же онъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ словъ Псалмопѣвца (109, 4, ср. ап. Павла Посланіе къ евреямъ, гл. 5) и, вѣроятно, не безъ вліянія иконографическихъ представленій Христа Пантократора и Христа, совершающаго таинство Евхаристіи. Въ первомъ текстѣ Васильева есть любопытное, характерно-апокрифическое распространеніе евангельскаго текста (Іоаннъ VIII, 3—11). Сказавъ народу и священникамъ: «кто не грѣшилъ, пусть броситъ камень въ нее», Іисусъ «написалъ имъ каждому отдѣльно такъ: «ты въ томъ-то погрѣшилъ сегодня», а другому: «смотри, что ты сдѣлалъ» и иному подобнымъ же образомъ и, просто сказать, хору архіереевъ высказалъ грѣхи ихъ, не явно, но тихонько». По отношенію къ другимъ краткимъ редакціямъ сказанія (у Іоанна Эвбейскаго, у Даниїла и др.) этотъ текстъ имѣетъ ту важную для литературной исторіи памятника особенность, что въ немъ священниковъ не 40, а 22.

Въ рукописи аѳинской публичной библіотеки № 130 по каталогу Крема, и № 432 по каталогу Саккеліона, писанной въ концѣ XVI в., на лл. 265—278, находится то же сказаніе въ распространенномъ видѣ подъ рубрикой: *Ἀρχαὶ διήγησις περὶ τινος Θεοδοσίου καὶ Φιλίππου χριστιανοῦ, συζητούντων*

1) О. с., стр. 174 и слѣд.; ср. также стр. 125.

2) См. Опытъ библейскаго словаря Солярскаго III, 574. Ср. Архим. Михаилъ, Толкованіе на Ев. Мате., стр. 60—61. Гиллемъ, равви въ царствованіе Ирода, говоритъ: «Не передавать своихъ знаній—грѣхъ смертный». Аѳанасіевъ, Руководство къ библ. исторіи I, 3, 91.

3) М. И. Соколовъ l. с. 125.

περὶ Χριστοῦ οὕτως. Этотъ текстъ представляетъ нѣкоторыя не безынтересныя разночтенія. Вотъ его начало: 'Εν τοῖς χρόνοις τῆς βασιλείας τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως Ἰουστινιανοῦ ἦν ἀνθρωπὸς τις ἀρχηγὸς τῶν Ἰουδαίων τὴν κλῆσιν Θεοδοσίος, ὅστις ἐκ πλείστων χρόνων ἀγνωστος (sic) τοῖς χριστιανοῖς ὑπῆρχεν. ἦν δὲ καὶ ἄλλος τις χριστιανὸς κατὰ τοὺς χρόνους ἐκείνους λεγόμενος Φίλιππος, ἀργυροπράτης τὴν τέχνην· οὗτος γινώσκειν ἔχων πρὸς τὸν εἰρημένον Ἰουδαῖον τὸν Θεοδοσίον καὶ συνεχῶς ὁμιλῶν αὐτῷ καὶ γνησίαν ἀγάπην ἔχων πρὸς αὐτὸν и т. д.

Такъ какъ многіе изъ слѣдующихъ №№ книги Васильева и обширнѣе по объему и важнѣе по историко-литературному значенію, мой рефератъ о ней обратился бы въ цѣлую книжку, еслибъ по поводу каждаго апокрифа я сталъ дѣлать даже поверхностныя замѣчанія; а если изслѣдовать тексты болѣе обстоятельно и сличать ихъ съ славянскими и русскими редакціями и однородными памятниками, изъ этого выросъ бы цѣлый рядъ монографій: настолько интересны и важны матеріалы, заключающіеся въ этомъ сборникѣ. Поэтому въ дальнѣйшемъ я ограничусь почти исключительно перечисленіемъ ихъ.

№ 8 заключаетъ два текста «Повѣсти объ Афродитіанѣ и о событіяхъ въ Персидѣ», первый по синодальной рукописи XI в., второй по ватиканской рукописи XIV—XV ст. Сказаніе *Афродитіана* персянина о чудѣ и пр. въ славянскомъ переводѣ издано много разъ (Тихонр. II, 1—4; Памятн. Кушелева III, 73—75; Новаковичъ, *Starine* X, 74—80; Порфирьевъ, Апокр. сказ. о новозавѣтн. лицахъ, 149—155) и въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчается, можно сказать, безпрестанно; но это сказаніе представляетъ только пятую часть обширной греческой статьи (стр. 83—93; вся статья 73—124); извѣстіе объ этой статьѣ мы имѣемъ еще со временъ Гретцера (1560—1625 г.), но появляется она полностью въ печати, сколько знаемъ, въ первый разъ.

№ 9 представляетъ не древній и не особенно исправный текстъ «Хожденія Богородицы по мукамъ» (e codice Casanatensi, sec. XVI). Я имѣю въ виду посвятить этому любопытному, высокопоэтическому и вліятельному апокрифу небольшое изслѣдованіе¹⁾ и напечатать два неранніе, но сохранившіе слѣды первоначальной редакціи текста по двумъ рукописямъ аѳинской библіотеки. Теперь же только укажу мимоходомъ на любопытный отзывъ его въ Проскинитаріи Арсенія Суханова (1649—53)²⁾: оказывается, что представленіе о муміяхъ, находимыхъ въ пескахъ египетскихъ, связалось въ фантазіи путешественниковъ съ 50-дневнымъ покоемъ отъ мукъ, который вымолила Богородица для грѣшниковъ.

Подъ № 10 Васильевъ даетъ два текста такъ называемаго «Житія Макарія Римскаго», отношеніе котораго къ Александріи и нѣкоторымъ другимъ памятникамъ изслѣдовалъ А. Н. Веселовскій въ I т. «Изъ исто-

1) Нѣкоторые его тезисы я изложилъ въ засѣданіи Славянской Коммиссіи при Моск. Арх. Обществѣ въ декабрѣ 1893 г.

2) См. изд. Палестинскаго Общества, стр. 39 и слѣд.

рѣн романа и повѣсти» (стр. 305—329); внимательно вчитавшись въ тексты, издатель пришелъ къ заключенію, что апокрифъ возникъ въ V—VI в.

Въ томъ же изслѣдованіи академика А. Н. Веселовскаго (стр. 281—303) опредѣлено историко-литературное значеніе «Житія Зосимы», здѣсь (у Васильева № 11, стр. 166—179) напечатаннаго по синодальной рукописи XIII в. съ варьянтами по рукописямъ XV и XVI вв. Издатель относитъ появленіе памятника къ тому времени, cum in Oriente res monastica viguit, nondum a Muhammedanis sollicitata (стр. XL). Любопытныя различія представляетъ рукопись аѳинской бібліотеки (по каталогу Саккеліона № 355) XV в., гдѣ статья эта помѣщена на лл. 21—30 подъ заглавіемъ: Βίος καὶ πολιτεία τῶν ἁγίων καὶ δικαίων μακάρων.

№ 12 заключаетъ знаменитое «Преніе панагіота съ азимитомъ»¹⁾ по вѣнской, къ сожалѣнію, не полной рукописи XV—XVI в. То же преніе я могу указать въ аѳинской рукописи XVIII в. (по Каталогу Крема № 181, по Саккеліону № 472) подъ заглавіемъ: Διαλέξις κυροῦ Κωνσταντίνου τοῦ καὶ μάρτυρος, τοῦ Παναγιώτου μετὰ τοῦ ὑφρδιναρείου Εὐφροσύνου.

Изъ всего имъ публикуемаго покойный Васильевъ справедливо придавалъ особое важное значеніе «Исторической Палеѣ» (№ 13, стр. 188—292), которую онъ издалъ по вѣнской рукописи XVI в. (theol. № 247, Lamb. 210), какъ ближайшей къ славянскому переводу; этому краеугольному, если можно такъ выразиться, памятнику посвятилъ онъ въ предисловіи небольшое, но чрезвычайно содержательное изслѣдованіе (стр. XLII—LVI), которое, безъ сомнѣнія, ляжетъ въ основу всѣхъ послѣдующихъ работъ.

№ 14 «Завѣтъ (и смерть) Авраама» изданъ по вѣнской рукописи XII в. Ср. у Свиды s. v. Ἀβραάμ; у Фабриція Cod. pseudep. Vet. Test. I, стр. 392, 401 и passim; Тихонр. I, 32 и слѣд., 79 и слѣд., Памятн. III, 24 и слѣд.; Порфирьевъ, Апокр. сказ. 1873 г. Казань, стр. 247 и слѣд., id. 1877 г. СПб., стр. 55—56, 111 и слѣд. Ср. The Testament of Abraham, by M. R. James M. A., with an Appendix by W. E. Barnes въ Texts and Studies. Contributions to biblical and patristical literature, ed. by I. Armitage Robinson B. D.

№ 15 «Повѣсть о плѣненіи Иерусалима» напечатана по барберинской рукописи 1497 г.; это оригиналъ Тихонр. «Повѣсти» I, 273—284. Ср. А. Н. Веселовскаго, «Изъ исторіи романа» I, 331—363.

№ 16 «Вопросы Іакова, брата Господня, Іоанну Богослову» по венеціанской рукописи XIV—XV в. Объ этой интересной статьѣ см. В. Н. Мочульскаго, Слѣды народной бібліи (Одесса 1893), стр. 216 и слѣд. и А. Н. Веселовскаго въ рецензіи на книгу г. Мочульскаго въ Ж. М. Нар. Пр. 1894 г., Февр., стр. 425 и слѣд.²⁾

1) См. между прочимъ только что перепечатанную статью о немъ (съ интереснымъ текстомъ) кн. П. П. Вяземскаго въ изданіи его сочиненій, стр. 361—393.

2) Проф. Красносельцевъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ сдѣлалъ очень цѣнное со-

№№ 17 и 18 заключаютъ рядъ мелкихъ статей подъ заглавіями: «Лживыя молитвы» (числомъ семь) и «Заклинанія и заговоры» (числомъ тридцать три), собранныхъ изъ нѣсколькихъ рукописей отъ XII—XVII ст. Какъ самые памятники, такъ и богатое интересными указаніями введеніе издателя (стр. LXII—LXXII) даютъ много матеріалу для исторіи византійской культуры и вліянія ея на нашихъ предковъ. 6-ая молитва (Εὐχὴ τοῦ ἁγίου Παύλου εἰς τὸν δάκνοντα ὄφιν) есть оригиналъ молитвы, напечатанной у Тихонр. II, 353—4 (ср. b, стр. 354); 21-ое заклинаніе (εἰς γυνήν ἣ γοοῦ οὐ δύναται τέξαι и пр.) ср. съ Тихонр. ib. III, a (II, 355) и в (357) и пр.

Вышесказаннаго считаю достаточнымъ, чтобы показать, какой огромный и интересный матеріалъ собранъ покойнымъ Васильевымъ, и какіе плодотворные результаты долженъ имѣть его трудъ для исторіи средне-вѣковой литературы. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ замѣченъ и европейской печатью и вызоветъ многочисленныя дополненія и поправки; какъ гѣ, такъ и другія только возвысятъ его значеніе. Книга Васильева—лучшій памятникъ на свѣжей могилѣ его учителя Н. С. Тихонравова; но нельзя не поблагодарить и проф. Соболевскаго, который ускорилъ ея появленіе на свѣтъ Божій.

Издатель второго сборника апокрифовъ М. Р. Джемсъ въ предисловіи откровенно заявляетъ, что книга его есть результатъ недолгихъ и не особенно систематичныхъ работъ всего въ 5 библиотекахъ (Оксфордъ, Лондонъ, Чельтенгамъ, Парижъ и Триръ), да и то онъ выпускаетъ въ свѣтъ не все, что собралъ. Отсюда онъ выводитъ ту «мораль», что богатая жатва ожидаетъ будущихъ изслѣдователей, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые рѣшатся заглянуть въ восточную и славянскую литературы. Далѣе Джемсъ выясняетъ свою точку зрѣнія на апокрифы посредствомъ такого сравненія: мы вполне можемъ довольствоваться шоссевыми дорогами, если хотимъ посѣтить наши «каедральные» города; но если мы пожелаемъ познакомиться съ уѣздной архитектурой, мы должны будемъ часто свертывать на малоизвѣстныя и трудно проходимыя тропинки. Православная патристическая литература есть широкая, хорошо утоптанная торная дорога, а апокрифическія книги—проселочныя тропинки; онѣ выражаютъ народныя вѣрованія древнихъ христіанъ средняго уровня, подобно тому, какъ «Воскресныя Исторіи» (Sunday Stories) выражаютъ воззрѣнія христіанъ нашего времени.

Книга англійскаго апокрифолога гораздо меньше и по объему, и по значенію, но тоже представляетъ немаловажный вкладъ въ науку: въ немъ всего пять памятниковъ и рядъ отрывковъ, но изданы они очень тщательно, большею частію по хорошимъ рукописямъ, и снабжены обстоятельными введеніями. Первый изъ этихъ памятниковъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ византійской письменности; это ранній и полный

общеніе объ интересномъ вариантѣ этого апокрифа, найденномъ имъ въ библиотекѣ Пантелсѣймоновскаго монастыря на Аеоу; онъ намѣренъ скоро издать его полностью съ соответствующими объясненіями.

текстъ *Visionis Pauli* (по рукописи VIII в. Bibl. Nat. Nouv. acq. Lat. 1631), значительно дополняющій изслѣдованіе Брандеса и добросовѣстную и обширную работу молодого русскаго ученаго Л. Ю. Шепелевича (нынѣ проф. Харьковскаго университета) ¹⁾. Джемсъ (стр. 4—9) сдѣлалъ очень полезное сличеніе сирійской, греческой и латинскихъ редакцій. Нужно ли говорить, насколько выиграли бы его сличенія, еслибы онъ воспользовался славянскими текстами и работой г. Шепелевича?

Еще больше повредило Джемсу незнакомство съ русской ученой литературой при изданіи второго памятника: Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου ὑπομικῶν Ἐκκλησιαστικῆς, Πολυξένης καὶ Ῥεβέκκας; это интересное романтическое житіе онъ напечаталъ съ обстоятельнымъ введеніемъ по парижской рукописи XI в. (№ 1458); въ самомъ началѣ этого введенія онъ заявляетъ, что «Акты» появляются здѣсь въ *первый* разъ по *единственному* извѣстному списку. А между тѣмъ еще 8 лѣтъ назадъ академикъ Веселовскій первую же главу своей превосходной книги: «Изъ исторіи романа и повѣсти» (СПб. 1886) посвящаетъ разбору житія Ксантиппы, Поликсены и Ревекки и приводитъ по моск. синодальной рукописи № 162 (имѣющей между прочимъ и надписаніе предполагаемаго автора) обширные отрывки изъ текста. Хотя А. Н. Веселовскій и отказывается (стр. 63) отъ подробнаго разбора житія «со стороны его источниковъ и исторической стойкости», все-таки онъ мимоходомъ дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній, знакомство съ которыми едва-ли дозволило бы Джемсу относить памятникъ въ настоящемъ его видѣ къ срединѣ III столѣтія ²⁾.

3-й памятникъ: Διήγησις Ζωσίμου εἰς τὸν βίον τοῦ μακάρου (введеніе къ нему стр. 86—95; текстъ 96—108) представляетъ любопытныя и важныя различія къ № 11 Васильева. Текстъ Джемса старше (по парижской рукописи XII в. № 1219) и во многихъ мѣстахъ и исправнѣе; особенно интересно окончаніе (у Джемса гл. XXII): оно можетъ дать указаніе на выдѣленіе позднѣйшихъ прибавокъ къ апокрифу.

Еще болѣе, нежели относительно житія Поликсены и пр., Джемсъ ошибается относительно Апокалипсиса Богородицы (иначе: Хожденія по мукамъ); онъ увѣряетъ (стр. 109), что текстъ *in extenso* появляется у него въ первый разъ и что по славянски существуютъ только подобные документы, а не переводы; на самомъ дѣлѣ, уже болѣе 20 лѣтъ назадъ покойный И. И. Срезневскій и Г. С. Дестунисъ въ Извѣстіяхъ 2-го Отд. Академіи Наукъ (т. X, стр. 551 и слѣд.) издали и греческій текстъ *in extenso* и славянскую редакцію, которая въ основѣ своей, конечно, должна быть названа переводомъ, а не *similiar document*. Текстъ, сообщаемый

1) Этюды о Давтѣ. I. Апокрифическое «Видѣніе св. Павла», части I—II. Харьковъ 1891—2.

2) Стр. 54: For our book the middle of the third century seems a reasonable date. Джемсъ вовсе не принципиально отказывается отъ знакомства съ русско-славянскою наукой: на стр. 87 и *passim* онъ по статьѣ г. Козака цитируетъ и Тихонравова и Веселовскаго.

Джемсомъ по бодлеевской рукописи XI в., превосходный (стр. 115—126) и введение издателя (стр. 109—113) очень интересно, хотя точка зрѣнія на памятникъ (стр. 111) и едва-ли можетъ похвастаться справедливою.

Очень интересенъ пятый и послѣдній полный текстъ, сообщаемый Джемсомъ: Τοῦ ἁγίου καὶ μακκρίου Σεδράχ λόγος περὶ ἀγάπης καὶ περὶ μετανοίας καὶ ὁρθοδόξων χριστιανῶν καὶ περὶ δευτέρας παρουσίας τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, по бодлеевской рукописи XV в. Издатель уже занимался имъ въ своей предыдущей работѣ (о завѣщаніи Авраама, см. выше); но памятникъ заслуживаетъ несравненно болѣе тщательнаго обследованія въ особенности по своему отношенію къ апокрифическимъ апокалипсисамъ вообще и къ «Хожденію Богородицы по мукамъ» въ особенности.

Отрывки апокрифовъ, напечатанные Джемсомъ, суть: 1) отрывокъ греч. текста Завѣта Адама по парижской рукописи начала XVI в. (такъ называемый *νυχθήμερον*, распределение часовъ); 2) Отрывокъ латинскаго перевода книги Эноха (по рукописи VIII в.); 3) Латинскія «Знаменія антихриста» по парижской рукописи VIII в.; 4) Дополненіе къ Дѣяніямъ ап. Филиппа по бодлеевской рукописи XI в. (См. Tischendorf Apos. Aposcr., стр. 151—156); 5) Четыре апокрифическихъ латинскихъ отрывка по чельтегамской рукописи конца XI в. (*Oratio Moysi in die obitus sui*, *Visio Zenep patris Gothoniel*, *Threnus Seilae Septhidis in monte Stelaceo* и *Citharismus regis David contra demonium Saulis*). Всѣ эти памятники снабжены историко-литературнымъ комментариемъ, въ которомъ приведены восточныя и греческія параллели — источники.

Книжка Джемса снабжена тремя внимательно составленными указателями. Нельзя не пожалѣть, что гораздо болѣе объемистый и содержательный трудъ Васильева не имѣетъ ничего подобнаго.

Оба сборника ясно доказываютъ, что на нивѣ апокрифической литературы и жатва обильна и въ добрыхъ дѣлателяхъ уже нѣтъ недостатка. Но очень грустно, что такой подготовленный и преданный наукѣ «дѣлатель», какъ А. Васильевъ, столь преждевременно сошелъ съ поприща.

А. Кирпичниковъ.

A. Vassiliev, Anecdota Graeco-Byzantina. Pars prior. Mosquae 1893 ¹).

Разсматриваемое изданіе — посмертное сочиненіе магистра Аѳанасія Васильева. Авторъ могъ самъ наблюдать за напечатаніемъ всего греческаго текста и части предисловія, написаннаго на латинскомъ языкѣ; въ концѣ же 1889 года преждевременная смерть лишила науку этого дѣятельнаго ученаго, на котораго по справедливости возлагали большія надежды. Къ счастью, окончаніе осиротѣлой работы принялъ на себя профессоръ С. Соболевскій, который перевелъ на латинскій языкъ осталь-

1) См. предыдущую рецензію проф. А. Кирпичникова, который разсматриваетъ книгу Васильева съ литературной стороны, тогда какъ настоящая рецензія посвящена преимущественно критикѣ текста. *Ред.*